

На правах рукописи

Александрова Мария Александровна

**ТВОРЧЕСТВО БУЛАТА ОКУДЖАВЫ
И МИФ О «ЗОЛОТОМ ВЕКЕ»**

Специальность 10.01.01 – Русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени
доктора филологических наук

Нижний Новгород – 2021

Работа выполнена на кафедре русской филологии, зарубежной литературы и межкультурной коммуникации ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова»

Научный консультант: доктор филологических наук, профессор
Анатолий Валентинович Кулагин

Официальные оппоненты:

Новиков Владимир Иванович, доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», факультет журналистики, кафедра литературно-художественной критики и публицистики, профессор;

Бойко Светлана Сергеевна, доктор филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», Историко-филологический факультет, кафедра истории русской литературы новейшего времени, профессор;

Артёмова Светлана Юрьевна, доктор филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»; филологический факультет, кафедра истории и теории литературы, доцент

Ведущая организация:

ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского»

Защита состоится «10» февраля 2022 г. в 11 ч. на заседании диссертационного совета Д.999.061.03, созданного на базе ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина», ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва», по адресу: 603000, г. Нижний Новгород, ул. Б. Покровская, д. 37.

С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке ННГУ по адресу: Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23 – и на официальном сайте <http://diss.unn.ru>

Автореферат разослан « » _____ 20__ г.

Учёный секретарь
диссертационного совета

Юхнова Ирина Сергеевна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

Актуальность темы диссертации «Творчество Булата Окуджавы и миф о “золотом веке”» определяется назревшей необходимостью заново поставить вопрос о сущности творческой позиции Окуджавы в её соотношении с прижизненной репутацией писателя как «певца старины».

Объектом исследования является творчество Булата Окуджавы и тех писателей-современников, диалог с которыми был важен для формирования его собственной концепции прошлого. **Предмет исследования** – интерпретация эпохи, канонизированной под именем отечественного «золотого века», в творчестве Булата Окуджавы и его современников. **Цель исследования** – определение своеобразия художественно-философской концепции прошлого в произведениях Окуджавы, созданных на фоне зарождения и развития культурно-исторической ностальгии позднесоветской эпохи.

В соответствии с этой целью ставятся следующие **задачи**: рассмотреть ностальгию по «золотому веку» как фактор литературной репутации Булата Окуджавы; уточнить и углубить существующие представления о месте позднесоветской ностальгии в контексте общемирового «запроса на прошлое»; описать генезис, содержание и структуру неомифа о «золотом веке» (пушкинской эпохе); проанализировать опыт освоения в творчестве Окуджавы пушкинской концепции роли поэта в «веке железном»; выявить связи с поэзией «золотого века» окуджавского образа розы, осмыслить его традиционные и новые функции; проследить истоки окуджавского взгляда на войну 1812 г. в рефлексии о личном и поколенческом военном опыте; охарактеризовать своеобразие рецепции романа-эпопеи Л.Н. Толстого «Война и мир» в автобиографической военной прозе Окуджавы и романе «Свидание с Бонапартом»; осмыслить трансформацию классического типа «маленького человека» в исторических романах Окуджавы (от «Бедного Авросимова» до «Свидания с Бонапартом»), выявить функцию аллюзий к пушкинскому «Медному всаднику»; показать изменения декабристского мифа от раннесоветской до позднесоветской стадии и закономерности включения декабристов в обобщающий миф о «золотом веке»; проследить путь Окуджавы от апологии декабризма к рефлексии о его трагических уроках; осветить рецепцию пушкинского и толстовского опыта

гармонизации исторической жизни в изображении Окуджавой событий 1812 г. и восстания декабристов; охарактеризовать интерпретацию античности как прообраза «века золотого» и «века железного»; проанализировать ситуацию самоотчёта в позднем творчестве Окуджавы (поэма «В карете прошлого» и др. произведения).

В **методологическом отношении** диссертация является историко-литературным исследованием с элементами междисциплинарного подхода, с использованием сравнительно-типологического анализа, а также целостного и мотивного анализа художественного текста.

Научная новизна исследования заключается в том, что: произведения Окуджавы (лирика, повести, киносценарии, исторические романы, поэма) впервые анализируются в аспекте полемики художника с идеализирующим мифом о прошлом; выявляется и всесторонне рассматривается ведущая тенденция творчества Окуджавы – преодоление ностальгических искушений, стремление к исторической трезвости; предлагается целостная концепция творческого самосознания и самоопределения Окуджавы в социокультурных обстоятельствах позднесоветской эпохи.

Теоретическая значимость исследования определяется разработкой проблематики мемориальной функции искусства, уточнением вопроса о соотношении явлений литературного и внелитературного рядов в описываемых процессах, а также задачей обоснования и демонстрации возможностей междисциплинарного подхода к изучению репрезентации неомифа в литературе.

Научно-практическая значимость исследования обусловлена возможностью использовать полученные результаты при обновлении содержания университетских курсов по истории русской литературы XX в., а также при комментировании произведений Б.Ш. Окуджавы.

Основные положения, выносимые на защиту:

1) Отечественный миф о «золотом веке» (пушкинской эпохе), испытанный в перипетиях XX столетия, достиг расцвета на позднесоветском этапе, в ситуации кризиса советских ценностей.

2) Совпадение тематики произведений Окуджавы с репертуаром литературы ностальгического пафоса обусловило репутацию, которая не соответствует реальной творческой позиции писателя.

3) В позднесоветской культуре была актуализирована традиционная модель «лучшего времени» – контаминация «века блаженства» и «века

героев»; в рецепции Окуджавы это единство обнаруживает свой иллюзорный характер.

4) Как для «проекта будущего», так и для «проекта прошлого» характерно деление времени на «лучшую» и «худшую» части; этот иерархический принцип упразднён Окуджавой в произведениях современной и «ретроспективной» тематики.

5) Позиция Окуджавы определилась уже в 1960-е, когда в стихах о Пушкине, Грибоедове, Лермонтове была воплощена пушкинская идея о призвании поэта угадывать «век золотой» в «железном веке».

6) Вечный идеал, соединяющий поэтов разных времён, символизирует унаследованный от пушкинской эпохи образ розы, который обретает также новые функции (в частности, «остранняющую»).

7) Характер изображения прошлого в романах «Бедный Авросимов», «Путешествие дилетантов», «Свидание с Бонапартом» свидетельствует о невозможности гармонизировать историческую жизнь по примеру утопий Пушкина («Капитанская дочка») и Толстого («Война и мир»).

8) В ранних повестях о войне («Будь здоров, школяр» и др.) Окуджава сверяет военный опыт, личный и поколенческий, с традицией изображения наполеоновской эпохи, а в зрелом творчестве оценивает «рыцарские» войны прошлого с позиции пацифиста XX в.

9) Трагическая концепция исторической жизни объясняет тяготение Окуджавы к родоначальному мифу о «золотом веке», который всё же подчиняется общей демифологизирующей тенденции его творчества.

10) В поздних произведениях Окуджавы обостряется рефлексия о взаимопонимании с современниками, тематизируется проблема собственной репутации как «певца старины», декларируется антиностальгическая позиция, которая явилась результатом всего творческого пути писателя.

Структура работы соответствует целям и задачам исследования. Диссертация состоит из Введения, 12 глав, Заключение, списка использованных источников и литературы (862 названия).

Апробация результатов исследования. Основные положения и результаты диссертационного исследования были представлены в ходе работы 65 научных конференций и семинаров, состоявшихся в период с 2001 по 2021 гг. в РГГУ (Москва), СПбГУ (Санкт-Петербург), ИРЛИ РАН (Санкт-Петербург), НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, ННГУ им. Н.И. Лобачевского, ТвГУ (Тверь), ПГПИ (Псков), ВГПУ (Владимир), ПГПУ (Пенза), СГУ им. Н.Г. Чернышевского (Саратов), БФУ им. И. Канта (Калининград), в музее-заповеднике А.С. Пушкина «Болдино», в мемориальном музее Булата Окуджавы (Переделкино) и Культурном центре «Дом Булата» (Москва), в мемориальном музее-заповеднике А.С. Пушкина «Михайловское» и др. научных центрах.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Введение содержит общую характеристику истории изучения творчества Окуджавы, что позволяет обосновать выбор темы, её научную актуальность и новизну, определить базу для формирования рабочей гипотезы исследования, сформулировать цели, задачи и методологические принципы.

В главе I «Ностальгия по “золотому веку” как фактор литературной репутации Булата Окуджавы» ставится вопрос о причинах расхождения между творческой позицией художника и установками воспринимающего сознания, типичными для позднесоветской эпохи. В разделе 1.1 «Понятие литературной репутации: актуальные аспекты» рассмотрены концепции И.Н. Розанова и А.И. Рейтблата, сопоставлены два периода колебания литературной иерархии – первые десятилетия XX в. и постсоветские годы. Теоретической модели А.И. Рейтблата, базирующейся на понятии «социального престижа», в целом соответствуют контрасты посмертной репутации Окуджавы: ретроспективно он (подобно многим «шестидесятникам») предстаёт то инакомыслящим, то вполне советским писателем, рядовым беллетристом либо новым классиком. Напротив, прижизненная полемика о его творчестве не имеет типологических соответствий; сама крайность мнений – «певец старины vs очернитель прошлого» – указывает на проблему, требующую анализа «запроса на прошлое» в позднесоветской культуре. Согласно А. Рейтблату, по мере развития литературы расширяется круг факторов, влияющих на формирование писательской репутации, но сохраняется ведущая роль лиц с высоким социально-культурным авторитетом, чьё мнение представлено в общедоступных изданиях. Однако в случае Окуджавы популярные литературные критики выступали прежде всего «корифеями хора» (Вл.И. Новиков). Максимальная активность публики (читателей, слушателей, самодельных комментаторов, библиографов, звукоархивистов) отражала новый тип связи общества с художником, потребность в создателе объединяющих символов. Признанный главным посредником между «золотым веком» и современностью, Окуджава получил истинно парадоксальную репутацию, минимально совпадавшую с его собственным представлением о прошлом.

В разделе **1.2 «Творческая позиция Окуджавы в автокомментариях»** проанализированы ответы писателя на вопросы интервьюеров и читателей о пристрастии к «золотому веку», отмечены его реакции на «общие места» литературно-критических трактовок. Особое внимание уделено формуле самоопределения по отношению к литературе классического прошлого как первой интерпретации XIX в.: «“Прежняя” литература – это тоже мой опыт. Она существует во мне, и я *выхожу* из неё». Метафора *выхода* – образ преемственности и творческой самостоятельности. На этом фоне рассмотрены лирические высказывания авторефлексивного характера: «Прогулки фрайеров» (1982) и «Мне русские милы из давней прозы...» (1996). Герои *давней прозы*, обречённые на изгойство в своём «железном веке», становятся современниками автора по эпохе нового варварства («Кругом всё скифы, скифы...»), причём поэт отрицает право на уход в прошлое: «Я знаю этот мир не понаслышке: // я из него пророс, // но за его утраты и излишки // с меня сегодня спрос». В разделе **1.3 «Миф о мифотворце: литературная критика как зеркало ностальгирующей эпохи»** предпринят аналитический обзор статей 1970–1980-х гг. (А. Баженовой, М. Бойко, Я. Гордина, А. Латыниной, С. Чуприна), послуживших окончательному оформлению образа «певца старины», интерпретировавших творчество Окуджавы как средство выражения коллективного ностальгического чувства. Возведя пушкинскую эпоху в ранг баснословной «отечественной античности», осознав сам факт её мифологизации в качестве «золотого века» (С. Чупринин), поклонники Окуджавы наделили поэта и романиста статусом главного мифотворца. В реальности произведения Окуджавы были восприняты сквозь призму любимого мифа. Раздел **1.4 «“Табу на ностальгию” и пути понимания творчества Окуджавы»** освещает ситуацию конца 1990-х – начала 2000-х гг., когда ревизия советского опыта позволила констатировать: «При жизни Окуджава был прочувствован, но не понят» (Г.А. Белая). «Табу на ностальгию» (С. Бойм) как новая мировоззренческая установка российских интеллектуалов совпала с общемировой тенденцией видеть в ностальгии «паллиатив для обделённых духовно» (Д. Лоуэнталь). Абсолютизация современного контекста восприятия порождает две крайности: одни (В. Соловьёв, В. Кантор) считают Окуджаву таким же, как его публика,

пленником ностальгии, другие (Б. Рогинский, А. Немзер) однозначно противопоставляют писателя любителям исторического «ретро». Отказ от упрощения социокультурной коллизии, в центре которой оказался Окуджава, позволит проследить связи разного уровня между художником и эпохой, создавшей предпосылки для индивидуального поиска.

Выводы. 1) Главный парадокс литературной репутации Окуджавы – возникновение в 1970-е и упрочение в 1980-е образа «певца старины», который противоречил собственной позиции художника. 2) Сложность культурно-исторической рефлексии Окуджавы могла найти выражение только в художественном творчестве. Скупость автокомментариев, уклонение от теоретических споров обусловлены как своеобразием творческой личности Окуджавы, так и защитной реакцией писателя на ожидания публики: ностальгическая атмосфера эпохи ассимилировала любые формулировки заинтересованного отношения к прошлому. 3) Лаконизм прямых объяснений Окуджавы с читателями нельзя считать причиной затянувшегося недоразумения, поскольку расхождение между авторской интенцией и откликом современников достигло максимума в середине 1980-х, когда принципиально важные для писателя художественные высказывания уже прозвучали. 4) Мифологизированная репутация Окуджавы – едва ли не самое яркое свидетельство власти над сознанием его современников мифа о «золотом веке». 5) В современной публицистике ностальгия 1970–1980-х гг. по «золотому веку» стала предметом суровой моральной рефлексии, но эта форма преодоления позднесоветского социокультурного опыта не способствует его объективному исследованию. 6) Восстановление системы обстоятельств, которые сформировали культ «золотого века», является условием всестороннего анализа окуджавской культурно-исторической концепции.

Глава II «Запрос на прошлое» в культуре XX века рассматривает позднесоветскую ностальгию по «золотому веку» в контексте общемирового процесса. В разделе 2.1 «Ностальгия как “стиль детских грёз” и “высокая болезнь”» сопоставлены несходные по своей объективной ценности проявления общекультурной тенденции, сформулирована необходимость исторического подхода к анализу фактов отечественной ностальгической культуры. В разделе 2.2 «Всемирная

“эпоха торжества памяти”» освещена повсеместная смена культа прогресса культом прошлого во второй половине XX в., отрефлексированная в работах С. Бойм, З. Баумана, Д. Лоуэнталя, Е. Шацкого, Н.Е. Копосова и др.; охарактеризована проблематика прошлого, памяти, «наследия» в современной мировой гуманитаристике. Изложены теоретические идеи, актуальные для осмысления позднесоветского культа «золотого века»: учение Ю.М. Лотмана о «памяти культуры» как «переводе» с языка прошлого, «механизме активного и постоянного нового моделирования»; классификация исторической памяти по функции обоснования преемственности («присвоения прошлого») либо опровержения ценности настоящего (Я. Ассман); модель «изобретения традиций», дихотомия «естественной» и «искусственной» памяти (Э. Хобсбаум). Раздел **2.3 «Участники коллективного “проекта прошлого” как творческая среда»** посвящён рассмотрению мифотворческого потенциала коллективной памяти — «совокупности донаучных, научных, квазинаучных и вненаучных знаний и массовых представлений социума об общем прошлом» (Л.П. Репина), закономерностей преобразования «неоднозначных фактов прошлого в однозначные ценности настоящего» (Е. Шацкий), анализу общественной репутации выдающихся гуманитариев как исследователей и популяризаторов культуры «золотого века». Активность коллективной памяти служит естественной предпосылкой индивидуального творчества; «эмпатическая сопричастность» прошлому (Д. Лоуэнталь) объединяет участников культурного процесса, чьи познавательные установки различаются. Если «научная деятельность Лотмана получила смысл *культурного делания*», послужив «нашей эпохе в её определении» (М.Б. Плеханова), то широкая публика восприняла «вненаучный пафос» (Ю.М. Лотман) просветителя односторонне — как стимул для безоговорочной идеализации пушкинской эпохи. Сходную роль сыграл Н.Я. Эйдельман. Плоды мифотворчества современного типа, питаемого «естественной» (в терминологии Э. Хобсбаума) исторической памятью, отличаются от результатов официально инспирированных мифов своей этико-эстетической полноценностью. Однако принадлежность к среде, культивирующей «заветный» миф, требует незаурядной отваги в

рефлексии о сущности почитаемого «своими» наследия. Отзывы современников о творчестве Окуджавы (см. главу I) показывают, сколь мощными были ожидания и предвосхищения поклонников, ностальгирующих по «золотому веку».

Выводы. 1) Культурно-историческая ностальгия – лишь один из аспектов масштабного процесса, вызванного общественным «запросом на прошлое»; участниками этого процесса стали деятели позднесоветской эпохи, весьма несходные по своим познавательным установкам. 2) Такие кумиры интеллигенции, как Ю.М. Лотман, Н.Я. Эйдельман, Булат Окуджава, оказались по-своему причастны к поддержанию ностальгической атмосферы времени – независимо от сложности их реальной позиции или даже вопреки ей. 3) Культ «золотого века», альтернативный официальной идее исторической преемственности, сплачивал либеральную интеллигенцию на более прочных, чем какие-либо иные, основаниях, а художник, на которого были направлены единодушные ожидания публики, оказывался под специфическим давлением. 4) Творческое самоопределение Окуджавы происходило в противоречивых обстоятельствах, столь же вдохновляющих, сколь и стеснительных для творчества.

Глава III «“Золотой век” как неомиф» посвящена вопросам генезиса, содержания и структуры коллективных представлений о «лучшем времени». В разделе **3.1 «Мифогенность и мифорефлексивность современной культуры»** обзревается основные подходы к исследованию неомифов, опирающиеся на идеи Е.М. Мелетинского, М. Элиаде, Я.Э. Голосовкера. Отвечающий «не на вопросы, а на запросы» (Е.М. Мелетинский), миф призван гармонизировать отношения человека с миром; однако мифы нового времени («вторичные» по отношению к архаике), «будучи идеологизированными, несут в себе потенциал всяческих разъединений и поляризаций» (В.Е. Хализев). Научный интерес к мифу поддерживается активной мифотворческой практикой современности. Избранный ракурс исследования тематики прошлого в литературе XX в. оправдан мифоподобной образно-дискурсивной природой коллективной исторической памяти. В разделе **3.2 «Инвариант мифа о “золотом веке” и его актуализации»** освещено расширенное

понимание оценочной формулы, возникшее уже в древности. Установлена типология воплощений образа «лучшего времени» в европейских культурах, ориентированных в определённые периоды своего развития на классическую античность, подвергших её мифологизации в качестве эпохи, соединившей гармонию и героику. Обращение к этому контексту позволяет объяснить устойчивую целостность мифа об отечественном «золотом веке» со времени его формирования в последней трети «железного» XIX в. вплоть до конца советского периода. Раздел 3.3 «**“Век железный”, “век пушкинский”, “век золотой”: закономерности мифологизации**» содержит описание основных этапов мифологизации эпохи. Основы мифа заложили пережившие Пушкина современники – Плетнёв, Вяземский. В атмосфере рубежа веков пушкинское время стало источником вдохновения во всех видах творческой деятельности, на всех уровнях культуры. Масштаб «золотого века» окончательно определился после 1917 г.: Россия «никогда не забудет своего дворянского цветения» (Г.П. Федотов). В советской культуре ранние симптомы ностальгии по «дворянскому» веку проявились у А. Гайдара, М. Светлова, Н. Коржавина. Далее воскрешение «золотого века» стало делом нескольких поколений – начиная со старших «шестидесятников». В последнее советское двадцатилетие «золотой век» стал источником основных «мифологических прообразов» жизненных стратегий интеллигенции (А.Л. Зорин).

Выводы. 1) Содержание образной формулы «золотой век» менялось в процессе рационализации архаического мифа о «начале» человечества, в ходе возникновения социально-философской утопии, отвечавшей идеалам развитого общества. 2) Утопия, запечатлённая римскими авторами в качестве осуществимой мечты, осталась в памяти культуры как инвариант мифа о «лучшем времени»; разочарование в утопиях будущего вернуло мифу о «золотом веке» его ностальгический пафос, но к восстановлению архаического идеала не привело. 3) Контаминация «века блаженства» и «века героев» характерна для формирования ретроспективного образа греко-римского мира; окончательному оформлению общей структурной модели неомифа о «лучшем времени» во всех европейских культурах послужил опыт идеализации национального прошлого. 4) Своеобразие мифа о русском «золотом веке» определяется символизацией фигуры

Пушкина в качестве главного героя своей эпохи, завершившейся вместе со смертью поэта; гибель Лермонтова в контексте мифа воспринимается как событие, подтвердившее необратимость наступления «века железного». 5) Рефлексия о краткости русского «золотого века», сопровождавшая его мифологизацию, придала особую остроту переживанию ценности утраченного. 6) В XX столетии миф о пушкинской эпохе актуализировался практически непрерывно; латентные стадии его бытования были временем индивидуальных исканий творческих личностей; их плоды впоследствии оказывались востребованы обществом. 7) На разных этапах бытования идеализирующего мифа акцентировались разные стороны прошлого, но тенденция к синтезу ценностей мирных и героических возобладала.

Глава IV «Образы поэтов “золотого века” в творчестве Булата Окуджавы» посвящена важнейшему аспекту творческой позиции современного художника – переживанию единства ценностей. В разделе **4.1 «Образ поэта как “творимая легенда”»** обсуждаются вопросы функционирования «писательского мифа» в современной культуре, разграничения мифологического и легендарного в этой сфере; констатируется связь между традицией «нестроного» употребления терминов и спецификой объекта мифологизации. Проблема «авторского мифа» и его рецепции (научной, художественной) обсуждается в свете лотмановской концепции судьбы Пушкина – «строителя» собственной жизни. Солидарность Ю.М. Лотмана с пушкинианой Окуджавы объясняется совпадением познавательных установок: оба стремились приблизиться к истине «авторского мифа», воплощённой в реальных поступках. Если окуджавский Пушкин адекватен (по убеждению Ю.М. Лотмана) духу прототипа, то другие поэты мифологизированы Окуджавой *по образу и духу* Пушкина, высокого двойника любого носителя подлинного дара. Раздел **4.2 «Мифы о Пушкине и стихотворение Окуджавы “Счастливчик Пушкин”»** анализирует программное высказывание поэта в системе контекстов: литература «оттепели», утвердившая право поэтов на «моего Пушкина», булгаковская пушкиниана, мир пушкинского творчества. Установлены литературные впечатления автора, обоснованы межтекстовые связи, их роль в формировании поэтической идеи (**4.2.1 «Творческая история**

стихотворения»). Исследована речевая композиция стихотворения, задающая смену ракурсов изображения заглавного героя; выявлена система булгаковских аллюзий; показано, как артистизм ведения речи обуславливает естественное разрешение «игрового» рассказа героическим аккордом **(4.2.2 «“Многоголосое” слово и структура образа счастливчика»).** На завершающем этапе анализа **(4.2.3 «Концепция судьбы поэта»)** подчёркнуто, что ревизия мифов о Пушкине-баловне и Пушкине-жертве – предпосылка для целостного осмысления судьбы поэта. Пронзительное звучание последнего двустишия – «Ему было за что умирать // у Чёрной речки» – усилено как фонетическими (ассонансы, аллитерации), так и композиционными средствами; но именно через трагедию в последний раз заявляет о себе витальная творческая сущность героя. В гибельном поступке угадана свободная воля, «авторство» собственной судьбы. Поэтику стихотворения определяет свободный «перевод» пушкинских образов и мотивов на иной язык – при бережном отношении Окуджавы к ценностям пушкинского мира. В разделе **4.3 «Пушкин-памятник в поэтической картине мира Окуджавы»** стихотворения «Александр Сергеич» и «Приезжая семья фотографируется у памятника Пушкину» рассмотрены на фоне традиции «экфрастических встреч» **(4.3.1 «Памятник работы А.М. Опекушина в зеркале стихотворной пушкинианы»).** Раскрыто контекстуальное содержание разговорной формы именования гения и памятника **(4.3.2 «Семантика пушкинского имени в лирике Окуджавы»).** В разделе **4.3.3 «“Александр Сергеич”: иерархия ценностей и единство мира»** показано, как воплощается лирическое переживание недостижимости и притягательности заглавного героя; итоговая формула – «Александр Сергеич помнит про всех» – означает, что современность облагорожена реальным присутствием Пушкина. В разделе **4.3.4 «“На фоне Пушкина”: метафора самоопределения и единения»** прослежен диалог со стихотворением Д. Самойлова «Фотограф-любитель» и пушкинской «Птичкой» – источниками двух лирических рефренов «Приезжей семьи...». *На фоне Пушкина* разрешаются все коллизии: полемика с поэтом-современником завершается на «примиряющем» образном языке, оживляющем пушкинский мотив *благодаренья*. Итоги наблюдений

подведены в разделе **4.3.5 «Памятник бронзовый и нерукотворный»**: памятник как овеществлённая память сохраняет в лирике Окуджавы традиционное содержание и вбирает новое, становится олицетворением бессмертной творческой силы поэта, продолжающей гармонизировать мир; образ бронзового Пушкина воссоединился с *памятником нерукотворным*. В разделе **4.4 «“Грибоедовская легенда” Пушкина в рецепции Окуджавы»** стихотворение «Грибоедов в Цинандали» сопоставляется с интерпретациями эпизода «Путешествия в Арзрум» в произведениях Я.П. Полонского, Ю.Н. Тынянова, Д.Б. Кедрина. Показано, как глубокое понимание Окуджавой пушкинского идеала («Не знаю ничего завиднее последних годов бурной его жизни») реализуется в трактовке судьбы поэта, остролова, влюблённого и воина, которому *было за что умирать* – подобно Пушкину. Раздел **4.5 «Встреча с Лермонтовым»** восстанавливает контекст советской лермонтовщины, вдохновлявшейся инвективами «Смерти поэта». На многократно повторённые клятвы отомстить Мартынову герой «Встречи» отвечает: «Я его простил». В то же время он исполняет мечту самого Лермонтова об освобождении от земных страстей: сравнение поэтов с забывающими обиду детьми – парафраз мотива возвращения души в детское состояние за чертой бытия («Герой нашего времени»). Воскреснув обновлённым, окуджавский Лермонтов ступает на путь, где поэту «нельзя не рисковать», двадцатое столетие оказывается уравнено с девятнадцатым. Таким образом, в стихах 1960-х гг. Окуджава противостоит как возвеличению «светлого настоящего», будто бы исполнившего мечты Пушкина и Лермонтова (и «отомстившего» за них), так и формирующейся ностальгии по прошлому. Раздел **4.6 «Поэт как “герой своего времени”»** освещает окуджавский опыт представления гения *современно, домашним образом* («Пушкин в Одессе») и последующий отказ от этого принципа. Прокомментированы (в разделе **4.6.1 «От киноповести о Пушкине к роману о Лермонтове»**) объективные трудности, побудившие Я.А. Гордина задаться вопросом: «Возможен ли роман о писателе?» В разделе **4.6.2 «Лермонтов в системе отражений: роман “Путешествие дилетантов”»** рассмотрена поэтика «непрямого» изображения, продемонстрировано значение приёма двойничества для воплощения

концепции творческой личности, впервые заявленной в лирике Окуджавы 1960-х гг.

Выводы. 1) Интерпретируя мифы о Пушкине, Окуджава стремился приблизиться к пушкинскому самопониманию. При этом окуджавская лирическая пушкиниана с наибольшей полнотой выразила представления автора о жизненной задаче поэта как такового. 2) Окуджавский миф о Поэте, сформировавшийся в 1960-е гг., наследует пушкинскому идеалу *сыновей гармонии*, но актуализирует старинную мифологию для современности: реальность, которая стремительно теряет былые идеологические оправдания, нуждается в поэте, способном вернуть миру смысловую целостность. 3) «Экфрастические встречи» с Пушкиным (стихи к памятнику) утверждают образ мира, которому покровительствует – «помнит про всех» – бессмертный поэт; благодаря живому присутствию Пушкина в настоящем упраздняется иерархия «лучшего» и «худшего» времени. 4) Воскрешение в лирике Окуджавы 1960-х гг. поэтов прошлого, все формы встреч с ними в пространстве современной жизни имеют общий смысл: поэты «возвращаются», чтобы пробуждать *чувства добрые*. 5) Исполнение этой вечной миссии поэтов связано с их способностью подняться над земной враждой. Раздвоение Лермонтова («другой поручик был тогда убит») символизирует остроту проблемы, не решённой прототипом героя «Встречи»; воскресший поэт представлен своей идеальной – гармонической, гуманной – ипостасью. 6) Создавая образ Лермонтова в «Путешествии дилетантов», автор подчеркнул амбивалентность этой фигуры: загадочные порывы романного персонажа резонируют как с трагическим скитальчеством прототипа, так и с «воспарением» любимых героев Окуджавы. 7) В «Путешествии дилетантов» к идеализирующему мифу о Поэте отсылает «возвращение» (реинкарнация) Лермонтова, становящегося в новом воплощении носителем высшей мудрости, и признание «редким счастливчиком» Пушкина, которому при жизни было дано «вознестись над собою». 8) Длющийся диалог главного героя «Путешествия...» с Лермонтовым, новые «встречи» с ним, утверждение музыканта в статусе двойника поэта – всё это вовлекает погибшего в жизненное движение, высвечивает в нём некие возможности, осуществлённые через другого (других). 9) В

структуре образа поэта всегда присутствует идея будущего, развитая Окуджавой весьма своеобразно: его герои, всю жизнь смотревшие за «горизонт голубой», должны перешагнуть границы своей исторической поры, перевоплотиться, чтобы наконец вполне отождествиться с идеальным началом в себе. Лишь Пушкин, будучи самодостаточен, не перемещается из эпохи в эпоху, а живёт во всех временах.

Предметом рассмотрения в главе V «Неувядаемая роза» является образ, ставший для культурного сознания XX в. средоточием ценностей «золотого века». В разделах 5.1 «Феномен “русской розы”» и 5.2 «Классическая роза: движение образа во времени» показано, как позднее усвоение русской культурой этого образа обусловило его дальнейшую судьбу. Особое внимание уделено восприятию классической розы на рубеже столетий, в послереволюционной России, в ситуации изгнания, в период позднесоветской ностальгии по «золотому веку». Прослежена трансформация мотивов «увядшей розы» и «розы в снегах». Рассмотрены случаи полемической интерпретации классического образа, которые оборачиваются утверждением высокого статуса розы. В разделе 5.3 «Розы Булата Окуджавы» представлены основные аспекты диалога поэта с классической традицией. Охарактеризовано место Окуджавы в ряду современных поэтов, вдохновлявшихся розой (5.3.1 «“Лишь редкие красные розы...”: вечная спутница»): показана роль этого образа в репрезентации констант авторского художественного мира, разных его граней – от «арбатского мифа» («Арбатский романс», «Речитатив») до рефлексии о прошлом, «красивой старине» («Я горой за сюжетную прозу...», «Читаю мемуары разных лиц...»). Раздел 5.3.2 «“Роза в руке” как универсальная метафора» содержит анализ перипетий «арбатского мифа», в которых роза сохранила высокий статус, но отчасти изменила функцию – стала метафорой ответственности за ценности, гибнущие в суровом мире, и разбор актуализации традиционного поэтизма в любовной лирике. Если несостоявшееся «вручение розы» (стихотворение «“Я маленький, горло в ангине...” // (Так Дезик однажды писал)...») символизирует трагедию распавшихся связей, то в «розе обручения» («Все влюблённые склонны к побегу...», «Два тревожных силуэта...») сосредоточено всё, что неизбежно предстоит утратить. В разделе 5.3.3

«Роза в контексте темы творчества» освещена литературная рефлексия поэта, направляемая памятью о шедеврах «золотого века», представлением об общности задач поэтов всех времён и сознанием неравенства певцов розы, которая символизирует абсолютное совершенство. Возможность более резких функциональных сдвигов, чем в перечисленных выше стихах Окуджавы, продемонстрирована анализом стихотворения «Из фронтового дневника» (5.3.4 «“Среди роз...”: фронтовой элизиум»), где цветы смерти «остранняют» конкретную, хранимую личной памятью картину, превращая её в образ войны как таковой.

Выводы. 1) Превращение розы в символ гармонии русского «золотого века» породило новую образную семантику; впервые обозначенная блоковской формулой «старинные розы», она постепенно вбирала частные значения, унаследованные от флоропоэтики прошлого. 2) Вопреки ностальгической тенденции в розе было символизировано бессмертие культуры в эпоху катастроф и разрывов; формированию этого смысла послужили разнообразные актуализации классической *неувядаемой розы*, парافразы оксюморона *роза севера* в поэзии XX в. 3) Для Окуджавы *неувядаемая роза* – эстетическая универсалия, соединяющая эпохи, тогда как ностальгия по прошлому связана лишь с романсовой (старомодной, «наивной») розой «арбатского мифа». 4) В окуджавской поэтической стратегии консервативная, традиционалистская номинация (*роза красная*) сочетается с многообразием тематических и пространственно-временных контекстов, обновляющих содержание образа. 5) В контексте темы творчества реминисцентная история розы оживляет традиционные смыслы, чтобы в итоге дать новое направление лирической рефлексии: цветущая «гордо и неторопливо» роза и вдохновляет и смиряет поэта своим совершенством – единством «небесного и мирского». 6) Самая необычная функция розы в творчестве Окуджавы – «остранняющая», возникшая из потребности поверить абсолютным идеалом то, что идеализируется в силу традиции или личной склонности. В этом отношении оказываются уравнены и «красивая старина», и арбатское детство, оборванное сиротством, и военная память поколения.

Задачи главы VI **«Две отечественные войны в творческом сознании писателей фронтового поколения»** – проследить истоки взгляда

Окуджавы на войну 1812 г. в рефлексии о личном и поколенческом военном опыте, охарактеризовать своеобразие его позиции на фоне писателей-современников. Разделы **6.1 «Мифология 1812 года в перипетиях XX века»** и **6.2 «“Старинный” идеал в творчестве писателей фронтового поколения»** освещают процесс возвращения историческому событию статуса «последней рыцарской войны» (В.А. Кошелев), закономерности неофициальной реабилитации дворянского героя в сознании молодых участников второй Отечественной (поэтов, будущих авторов «лейтенантской прозы»), которые избрали психологическими двойниками реальных и литературных героев наполеоновской эпохи, а также «присвоили» бывшего врага – Наполеона (что особенно характерно для творчества В. Некрасова и К. Воробьёва). В разделе **6.3 «В “школе” Толстого: повесть Окуджавы “Будь здоров, школяр”»** на фоне советской военной прозы характеризуется стратегия освоения толстовского наследия: ориентация на исповедальность трилогии «Детство. Отрочество. Юность» и постижение войны с точки зрения растерянного юноши (юнker Ростов). Абсолютизация этой грани художественного мира Толстого позволяет Окуджаве осмыслить автобиографического персонажа как «маленького человека», отказаться принять «возвышенный урок», заключённый в произведениях современников: для него неприемлемо «всё это грозное, трагическое, героическое, кровавое», что отчасти сглаживало разницу жанровых установок «фронтной лирической повести» и советской военной эпопеи. Чуждость Окуджаве эпического восприятия войны предопределяет полемику с автором «Войны и мира», которая найдёт продолжение в исторической прозе. Раздел **6.4. «“Исторические фантазии” в окуджавских повестях о войне»** содержит анализ параллелей с наполеоновской эпохой в трёх произведениях: «Фронт приходит к нам», «Будь здоров, школяр», «Женя, Женечка и “катюша”». Фантазии на темы прошлого, вдохновляемые историческими и литературными источниками, принадлежат автопсихологическим персонажам, что позволяет писателю осмыслить собственные иллюзии и прозрения. Наполеоновская проблематика, характерная для творчества фронтового поколения, получает наиболее парадоксальное воплощение в детской повести «Фронт

приходит к нам» (6.4.1 «Первое “свидание с Бонапартом”»). Сопоставление «школяра» и «бывшего школяра» в их отношениях с военной реальностью (разделы 6.4.2 «“Маленький человек” в поисках благородства» и 6.4.3 «Настоящая война в зеркале “исторических фантазий”»)) позволяет проследить формирование концепции, предваряющей идеи исторических романов: современное сознание нуждается в «старинном» идеале, но миф о «благородной войне» внушает школярам упования, которым никакая реальность не может соответствовать. В разделе 6.5 «Послевоенная концепция войны: историческая рефлексия и личный опыт» подытожено сопоставление культурно-исторических подтекстов в Окуджавских повестях о войне с любовной апелляцией к 1812 г., которая характерна для его поколения: это два разных типа обобщения военного опыта, имевшие общим источником послевоенную гуманизацию сознания. Глубинная причина любви писателей-фронтовиков к наполеоновской эпохе — необходимость подняться над собственной военной травмой, не погрешая против военной правды: «зеркало» прошлого отражало современность более человеческой, чем она дана в реальном опыте. Напротив, Окуджава распространил своё прозрение в сущность войны на «заветный» 1812 г.

Выводы. 1) Писатели-фронтовики в своей исторической рефлексии сосредоточены на первой Отечественной войне, которая становится идеальным ориентиром при обобщении личного военного опыта. Такое видение прошлого сформировалось независимо от советской историко-патриотической доктрины периода предвоенного взросления «лейтенантского поколения». 2) Повесть В. Некрасова «В окопах Сталинграда» свидетельствует о наступлении нового этапа мифологизации 1812 г.; суть процесса заключается в снятии противоречия между толстовской концепцией народной войны и культом Героев. 3) Персонажи «лейтенантской прозы», кодированные образом князя Андрея, воспроизводят его аристократизм и наполеонизм в идеальном, нравственно безупречном варианте. 4) «Реабилитация» и «присвоение» Наполеона советскими идеалистами психологически мотивирована абсолютизацией воли к победе, стремлением обуздать военный хаос; в то же время эта установка отвечает общей тенденции функционирования мифа о 1812 г. — запросу на примирение

«дотолстовского» (традиционно-героического) и толстовского образов эпохи. 6) Автобиографическая повесть Окуджавы «Будь здоров, школяр» принципиально иначе, нежели близкая по времени создания «лейтенантская проза», ставит вопрос об актуальности «старинного» идеала: страшное дело войны не может быть облагорожено; попытки такого рода ограничены книжными фантазиями «грустного солдата», но их ценность заключается в сопротивлении военному закону упрощения личности. 7) Толстовская мысль о войне как явлении, противном человеческому естеству, заостряется в рецепции Окуджавы благодаря повествованию от лица «маленького человека». 8) Подчёркивая литературное родство школяра с необстрелянным юнкером Ростовым, «знаменитого солдата» Шонгина – с Каратаевым, писатель обращается к авторитету Толстого в утверждении единственно возможного взгляда на войну – с позиции невоенного по духу человека. 9) Персонаж-рассказчик детской повести «Фронт приходит к нам», воображающий наполеоновских маршалов в 1941 г., становится первым в творчестве Окуджавы проводником исторической тревоги, которая с этих пор неизменно сопровождает рефлексию писателя о сходстве и различии эпох. 10) Киноповесть в эксцентрическом стиле, где жанровая условность даёт простор для исторических фантазий «бывшего школяра», а финальное событие предвещает проблематику «Свидания с Бонапартом», освещает закономерность современных подтекстов в романах о XIX в. 11) Осмысление двух «соименных» войн сформировало неканонический, но последовательный пацифизм Окуджавы.

Глава VII «“Эпоха славы” в лирике Окуджавы 1960–1970-х годов» развивает идеи, сформулированные в ходе анализа военных повестей писателя. В разделе **7.1 «Советская культура между двумя юбилеями (1962–1969)»** представлено сочетание факторов, определявшее характер празднования 150-летия победы над Наполеоном и столетия завершения «Войны и мира»; прослежены основные направления актуализации мифа о 1812 г. в кинематографе, драматургии, массовой стихотворной публицистике, в песнях «бардов», в творчестве А. Тарковского, Н. Коржавина, Ю. Левитанского, Д. Самойлова и др. На этом фоне (**7.2 «Лирика Окуджавы в контексте юбилейного десятилетия»**) показано, что поэт иначе, чем большинство современников, интерпретировал

мифогенные ситуации, мотивы, персонажи. Топоним *Смоленская дорога*, сохраняющий связь с двумя Отечественными войнами, преобразуется благодаря небесной «вертикали»: «На дорогу Смоленскую, как твои глаза, // Две холодных звезды голубых глядят, глядят». Избегая военно-исторической темы, Окуджава наделял производные от неё образы «остраняющей» функцией: «Ночной комар, как *офицер гусарский*, тонок» и т.п. Своеобразие позиции поэта наиболее наглядно раскрывает стихотворение «Оловянный солдатик моего сына», полемичное по отношению к «Человечку» Левитанского, где в игрушечном масштабе показан Наполеон. Окуджава символизирует саму игрушечность *солдатика* – рядового, одного из многих, кто неизменно «ждёт своих врагов» и «прицелится в тебя» вместо ответа на любой вопрос; тем самым внимание переключается с прошлых побед на современность, чреватую новыми войнами. Саркастическое стихотворение «Военные портняжки», замыкающее юбилейное десятилетие, направлено против эстетизации войны, поэзии гусарства, олицетворённой в Денисе Давыдове – творце «автомифа» эпохи и любимом персонаже позднесоветской ностальгической мифологии. **Раздел 7.3 «“Батальное полотно”, батальные полотна и “наполеоновские” баллады: лирическое предисловие к роману “Свидание с Бонапартом”»** посвящён исследованию программного высказывания Окуджавы. Круг визуальных и литературных впечатлений поэта позволяет считать прототипом «императора в голубом кафтане» Наполеона: олицетворяя славу, он увлекает за собой сподвижников и соперников, ставших одной армией. Старинная эстетика войны, подкупающая нравственное чувство, способная сделать предметом любования даже обречённых на смерть («все они красавцы»), была небезобидной в глазах поэта XX в. Герои, пленяющие сердца современников и потомков, предстают не в ореоле восхищения, но в грустно-ироническом свете.

Выводы. 1) Государственные празднования 150-летия Отечественной войны и столетия завершения Толстым «Войны и мира», призванные продемонстрировать историческую преемственность, достигли обратной цели, а именно: ускорили формирование ностальгических настроений, которым предстояло стать массовыми в следующем десятилетии. 2) Эстетизация

1812 г. в литературе, театре, кинематографе 1960-х ознаменовала востребованность «автомифа» эпохи, что стало предпосылкой реинтерпретации «Войны и мира» в духе тех ценностей, которые сам Толстой оспаривал. 3) Для Окуджавы-лирика (как и для начинающего прозаика – автора трёх повестей о недавней войне) уже в 1960-е прошлое не экзотично и празднично, а злободневно и тревожно; этим обусловлена поэтика исторических метафор в стихах юбилейного десятилетия. 4) Культ 1812 г. характеризует дух современности, тревожащий Окуджаву, но и далёкая «эпоха славы» открывается поэту с новой стороны: ретроспективно выясняется природа войны как величайшего из соблазнов самоутверждения. 5) Рефлексия Окуджавы о наполеоновской легенде, о поколении ревнителей славы, соперничавших (согласно благородному «автомифу» эпохи) с равными по своим достоинствам противниками, разрешается в лирике 1970-х метафорой исторической ночи, неизбежно наступающей для всех участников воинственных «прогулок». 6) Связь «Батального полотна» с романом «Свидание с Бонапартом» освещает логику осмысления исторического опыта в творчестве Окуджавы.

Глава VIII «Испытание войной в романе Окуджавы “Свидание с Бонапартом”» посвящена анализу проблем, которые вызревали в творчестве писателя на протяжении 20 лет. Явления и события, отождествляемые исторической памятью с военной славой, подвергаются суду в свете ценностного абсолюта мира; путь от нерассуждающей героики к сомнению проходит автопсихологический персонаж-рассказчик – генерал Опочинин (**8.1 «Споры читателей и споры персонажей: уроки сомнения»**). Саркастические монологи Опочинина перекликаются со стихотворением «Нужны ли гусару сомненья...», которое, в свою очередь, отсылает к осмеянию «красивой смерти» в стихотворении «Военные портняжки». «Оловянный солдатик моего сына» подготавливает переосмысление статуса «маленького человека» как безвинной жертвы истории: в романе именно он олицетворяет общечеловеческие заблуждения, разделяя с «великими людьми» искушения славы и власти. В этой логике развиваются мотивы судьбы «бедного Евгения» наполеоновской эпохи (**8.2 «Парадокс “маленького человека” в романе “Свидание с Бонапартом”: рецепция “Медного всадника”»**). Сам факт

обращения исторического романиста к Отечественной войне означал (констатируется в разделе **8.3 «Роман о 1812 году “на фоне Толстого”»**) вступление в ту область, где непререкаем авторитет Толстого, но полемика была неизбежной: на окуджавскую рецепцию «Войны и мира» существенно повлияла антивоенная публицистика Толстого 1890–1900-х гг.; с другой стороны, Окуджава дистанцировался от того образа толстовской книги, который сложился благодаря её ассимиляции популярным военно-историческим мифом (**8.3.1 «“Война и мир” Л.Н. Толстого в сознании автора и читателей “Свидания с Бонапартом”»**). Поэтому ревизия представлений о прошлом мыслилась автором «Свидания с Бонапартом» как насущная задача. В разделе **8.3.2 «Французы в художественном мире Толстого и Окуджавы: “чужой взгляд”»** мотивирован выбор в качестве одного из персонажей-рассказчиков «Свидания с Бонапартом» Луизы Бигар. Если в эпическом мире Толстого ценность любой человеческой позиции определяется по отношению к «народному смыслу события», то Окуджава, будучи лириком даже в повествовательной прозе, реабилитирует одиночку, невольного индивидуалиста. Носителем такого сознания становится в его романе «московская француженка»: осуждая Бонапарта, она всё равно оказывается без вины виноватой перед своими русскими друзьями. В разделе **8.3.3 «Mlle Bourienne и Луиза Бигар: драма “постороннего”»** прослежена полемика Окуджавы с толстовской оппозицией «родное – чужое»: именно «московской француженке», для которой никто из воюющих не враг, отдана несбыточная мечта о всеобщем родстве. В разделе **8.3.4 «Главное испытание: плоды от древа познания»** проанализировано отражение в романе Окуджавы коллизии князя Андрея, которому «стало тяжело жить», ибо «не годится человеку вкушать от древа познания добра и зла...» Если у Толстого эта философская трагедия закономерно остаётся единственной, то рецепция Окуджавы превращает рефлексию избранных в проклятие всякого, кто понял несовместимость истории с нравственным законом и безучастие Бога к земным делам. В мире Толстого история предстаёт как «домашнее дело человека, опирающегося в своих решениях на <бессознательный> союз с Провидением» (К.Г. Исупов). Напротив, в «Свидании с Бонапартом» ход событий не может гармонизировать

сознание человека, ищущего разрешения исторических проблем. В разделе **8.3.5 «Мир после войны: рецепция эпилога “Войны и мира”»** показано преломление в третьей части «Свидания...» толстовской диалектической пары «консерватор vs мечтатель»: Варвара Волкова словно бы осуществляет идеальную жизненную программу Николая Ростова и, олицетворяя правоту консерватизма, спорит с женихом дочери. Но она, в отличие от Ростова, не может интуитивно уклоняться от вопросов, заведомо неразрешимых в пределах личного человеческого опыта. Напротив, её житейская, женская интуиция оказывается проводником метафизической тревоги; именно ей дано предчувствовать семейную трагедию и новые исторические потрясения – вплоть до событий иного века; при этом охранители и потенциальные мятежники уравниваются в своей беспомощности перед загадками исторической судьбы России.

Выводы. 1) Все аспекты поэтики и проблематики романа «Свидание с Бонапартом» подчинены авторской установке на преодоление инерции восприятия исторических событий. 2) Культ «бесспорных ценностей» Окуджава противопоставил право на сомнение; позиция, избранная автором и автопсихологическими героями романа, продуктивна для исторического познания, но неизбежно трагична в ситуации личного самоопределения. 3) Статус участника исторических событий определён системой метафор, производных от классической формулы «маленький человек»; трагизм положения «маленького человека» заключается – вопреки традиции – в осознании бессильным своей ответственности за всё происходящее в большом мире. 4) Тема ответственности рядового участника событий, развиваемая Окуджавой в диалоге с Пушкиным («Медный всадник») и Толстым («Война и мир»), последовательно проецируется на современность. 5) Модернизация сознания персонажей – принципиально важный для романиста приём: с одной стороны, так выражено представление Окуджавы (восходящее к идеям Толстого) об относительности исторических различий на фоне вечных свойств человеческой натуры; с другой стороны, Окуджава намеренно сокращает дистанцию между изображённым прошлым и миром читателей, мешает современникам оставаться в комфортном положении любующихся «издалека». 6) Творческая рецепция «Войны и мира» в романе «Свидание с Бонапартом» во многом полемична, что

обусловлено иным типом художественного мышления (лирик, каким остаётся Окуджава-романист, не знает эпического «утешения») и новой исторической перспективой, формирующей концепцию событий. 7) Проблема отношения к «чужому» (побеждённому, законной жертве, случайной жертве, «постороннему») решается Окуджавой исходя из опыта ожесточений XX в., которые не подтвердили веру Толстого в непогрешимое нравственное чувство воюющего народа. 8) Варьируя толстовские определения места человека в историческом процессе, Окуджава возлагает бремя рефлексии на самих участников событий, которые лишаются спасительного чувства причастности к «целому» – народу, традиции; семейный круг сужается и становится эпицентром трагедии. 9) Обнаруживая символические истоки 1812 г. в глубокой древности («история помнит всё»), Окуджава размышляет об отсроченных на столетие последствиях события: превращение народа (по Толстому) в историческую силу реализовалось (вопреки Толстому) в катаклизмах XX в. Эту идею, сквозящую в тревожных предчувствиях персонажей, автор эксплицирует посвящением романа памяти отца.

В главе IX **«Декабристы в творчестве Окуджавы: от апологии к рефлексии»** (раздел 9.1 **«“Декабристиана” как феномен отечественной культуры»**) констатируется, что пушкинское послание «В Сибирь», будучи первым актом мифологизации декабристов, навсегда осталось «опорным» текстом мифа. В разделе 9.2 **«Закономерности функционирования декабристского мифа в культуре XX века»** обобщения выводятся из наблюдений над коллизиями переходных в идеологическом смысле 1920-х гг. (9.2.1 **«Парадоксы раннесоветской “декабристианы”»**) и описания основных образно-мотивных комплексов, репрезентирующих миф на стадии его «стабилизации» (9.2.2 **«Содержательность формы декабристского мифа»**). В разделе 9.3 **«Пьеса Окуджавы “Глоток свободы” в контексте исторической драматургии 1960-х гг.»** сопоставлены произведения, выражавшие (с разной степенью талантливости) всеобщую увлечённость яркими личностями декабристов. Контраст между первым опытом освоения темы и первым историческим романом Окуджавы разителен: в разделе 9.4 **«Роман Окуджавы “Бедный Авросимов”: трагедия слабых»** показано,

как изменилась художественная оптика. Знакомство с личностью Пестеля разрушило нерефлексивное восприятие декабристского мифа (9.4.1 «Выбор героя и “вызов” темы»), причём ряд идей «российского Бонапарта» (например, его националистический проект) не подлежал легальному обсуждению; вынужденный недоговаривать, Окуджава символизировал это обстоятельство в фигуре несведущего рассказчика (9.4.2 «Функции рассказчика в романе “Бедный Авросимов”»). Тем не менее образ Пестеля сложился в русле авторской логики; её своеобразие выясняется из сопоставления с другой художественной версией той же исторической фигуры (9.4.3 «Два Пестеля: трагедия Зорина “Декабристы” и роман Окуджавы “Бедный Авросимов”»). Показывая события в восприятии «маленького человека», Окуджава по-своему ставит проблему слабости заговорщиков (9.4.4 «“Покинутый всеми и всем необходимый”: бремя исторической ответственности героя»): сущность происходящего осмыслена как ответ человеческой натуры, вечной в своих свойствах, на тяжесть исторических решений, и закономерность этих реакций наиболее убедительно подтверждается романом Пестелем, который перестал быть «железным». В разделе 9.4.5 «“Маленький человек” и декабристы: парадоксы двойничества» прослежена система мотивов, устанавливающая общую меру слабости для всех — включая Пестеля. Отсюда понятно смещение акцентов в интерпретации «опорного» текста декабристского мифа — фантазии сострадательного Авросимова (9.4.6 «“Темницы рухнут...”: рецепция послания «В Сибирь»): гордые рыцари, принимающие меч от братьев, превращаются в измученного узника, падающего людям на руки. С другой стороны, образ Лунина, созданный в книге Н.Я. Эйдельмана, вдохновил Окуджаву прославить узника, для которого темница никогда не рухнет (9.5 «Стихотворение Окуджавы “Лунин в Забайкалье”: обретение героя»): «А чем же вы это опасны? // Наверное, тем, что прекрасны, // и тем, что, наверно, пристрастны // в любви к отчизне своей». В разделе 9.6 «Декабризм в романе Окуджавы “Путешествии дилетантов”: открытые исторические вопросы» осмыслен важный творческий этап, когда авторская позиция становится по-новому сложной. Символизация фигуры Сергея Муравьёва-Апостола в качестве беспомощного

прозорливца, видящего впереди не только собственную гибель, но и бесконечную цепь насилия, предвещает историко-философские метафоры «Свидания с Бонапартом». После «Путешествия...» критика революционаризма усиливается, но вместе с тем возрастает и пафос сострадания к декабристам – двойникам «бумажных солдат» любого столетия, участникам трагедии, повторяющейся из века в век.

Выводы. 1) Пушкин, создавший идеальный образ рыцарей, гордых страдальцев, вдохновлённых предчувствием свободы и достойных её, предопределил включение декабризма в миф об отечественном «золотом веке». 2) Окуджава, который свои исторические представления чаще всего сверял с художественным миром Пушкина, далёк от него в образной интерпретации декабризма: с пушкинскими рыцарями контрастирует «бумажный солдат» как метафора идеалиста, а утопическому финалу послания «В Сибирь» («Оковы тяжкие падут, темницы рухнут...») противопоставлены отчаянные фантазии «маленького человека» о рухнувшей стене Петропавловской крепости. 3) В трактовке декабризма Окуджава эволюционировал наиболее заметно, оставаясь в то же время верным пушкинской этике отношения к *падшим*. 4) Вскоре после пьесы «Глоток свободы», где прославлен герой без страха и упрёка, искупающий своей цельностью слабости товарищей, в романе «Бедный Авросимов» декабристы подвергаются «суду» особого рода: их несовершенства становятся особенно явными в ситуации дознания, но простодушный свидетель катастрофы, который сам нуждается в снисхождении, олицетворяет *милость к падшим*. 5) Неприязнь Окуджавы к Пестелю как историческому лицу при воплощении его в качестве персонажа «Бедного Авросимова» разрешается по законам собственного художественного мира: «несчастный полковник» выступает жертвой принятой им на себя исторической ответственности, которая заведомо непосильна для человека. 6) Избрание в герои «нетипичного» декабриста («Лунин в Забайкалье») позволяет Окуджаве выразить столь же необычное чувство симпатии, не предусмотренное актуальными в 1970-е гг. мировоззренческими установками. 7) В «Путешествии дилетантов» декабризм впервые освещается как проявление драмы исторического существования; эта проблематика наследуется романом «Свидание с Бонапартом».

В главе X **«Пушкинская гармонизация исторической жизни в прочтениях XX века»** охарактеризовано значение «Капитанской дочки» для утопических исканий нескольких писательских поколений (10.1 **«Потенциальная идиллия и потенциал идиллии: об общих закономерностях рецепции “Капитанской дочки” в литературе XX в.»**); описана ситуация фактической несовместимости художественной идеологии Пушкина с принципами соцреализма – при номинальном признании его книги классической (10.2 **«Вопрос о пушкинской традиции и становление жанра советского исторического романа»**); освещена специфика исторической рефлексии, носителями которой была востребована пушкинская модель исторического романа (10.3 **«Открытие “Капитанской дочки” в позднесоветскую эпоху»**). На этом фоне в разделе 10.4 **«“Капитанская дочка” в рецепции Окуджавы: от “Бедного Авросимова” к “Свиданию с Бонапартом”**» прослежен многолетний творческий диалог с Пушкиным. Уже первый опыт обращения Окуджавы к пушкинской книге (10.4.1 **«Скромный герой и “маленький человек”: Гринёв и Авросимов»**) ознаменован трансформацией гринёвского типа в духе представлений писателя о «малости» любого участника больших событий. Творческая рецепция «Капитанской дочки» в соотнесении с эпопеей Толстого (10.4.2 **«Народная война и русский бунт в “Свидании с Бонапартом”**») определяется двумя важнейшими для писателя, тесно переплетёнными вопросами – о народе как исторической силе и о личности, делающей свой выбор в историческом катаклизме. Внимание Окуджавы к пушкинской концепции обусловлено как рефлексией писателя о мифологии и фактографии Отечественной войны, так и осмыслением опыта «соименной» войны XX в. Трагический парадокс русской истории заключается в том, что освободительную миссию выполняет коллективный носитель духа пугачёвщины. Если сила пугачёвщины неуклонно вызревала в русской жизни, чтобы реализоваться в революциях и войнах, то «золотой век» иллюзорен. Поэтому этическая проблематика «Капитанской дочки» в рецепции Окуджавы окрашена трагически: в разделе 10.4.3 **«Дворянская честь и христианская совесть: пушкинские ориентиры в мире “Свидания с Бонапартом”**» показано, что окуджавский герой, поставленный в «положение Гринёва», следующий безусловным

нравственным принципам, не восходит к высотам внутренней гармонии, а влечётся к самоубийству.

Выводы. 1) Рецепция «Капитанской дочки» в литературе XX в. происходит под знаком эпохального разрыва, затруднившего или исключившего саму возможность гармонизации исторической жизни по примеру художественной утопии Пушкина. 2) Художественно-историческая проза 1960–1980-х гг., заново открывшая «Капитанскую дочку» как жанровый прототип, не наследует пушкинский принцип равновесия противоположностей, которые, будучи олицетворены в Пугачёве и Гринёве, образуют полюса целостного мира. 3) В кругу исторических повестей и романов, отнесённых литературной критикой к традиции «Капитанской дочки», проза Окуджавы выделяется наглядностью межтекстовых связей и своеобразием интерпретации пушкинских коллизий. 4) Если в рецепции современников Окуджавы смысл структурной пары «Гринёв – Пугачёв» меняется благодаря обесцениванию позиции одной из сторон, то автор «Бедного Авросимова» мыслит антиподов (писаря и несостоявшегося Бонапарта-Пугачёва) как двойников, уравненных своей «малостью» перед силами истории и государства. 5) Принцип двойничества, усложняющийся в романе «Свидание с Бонапартом», также создаёт картину исторической жизни, которая не допускает разрешения противоречий в гармонию хотя бы на краткий срок. 6) Мир Пушкина остаётся для Окуджавы источником ценностных критериев и мировоззренческих ориентиров – при осознаваемой невозможности наследовать утопию «Капитанской дочки» даже в романах о пушкинской эпохе. 7) Постоянное присутствие «Капитанской дочки» в творческом сознании Окуджавы обусловлено не только продуктивностью пушкинской модели осмысления русской истории, но и рефлексией современного писателя о трагической судьбе запечатлённого Пушкиным идеала человеческой личности.

Предмет исследования в главе XI **«Античность как “век золотой” и “век железный”»** – сопряжение мифологизированных эпох в творческом сознании Окуджавы. **Раздел 11.1 «“Античность после античности”: позднесоветский этап»** характеризует культурно-историческую ситуацию, сделавшую насущно важным очередное «открытие» древности.

Творческие установки «поэта, пришедшего в прозу» (Б. Хотимский), располагали и к лирической интерпретации вечного идеала, и к трезвому анализу античного наследия. Память об античности как неповторимом «золотом веке», сохраняемая классической культурой, и представление о делящемся поныне «железном веке», значимое для современности, стали для писателя источником творчески продуктивного противоречия. В разделе 11.2 «Античность в романе Окуджавы “Путешествие дилетантов”»: опыт исторической аналогии и попытка утопии» установлены функции разнообразных (от Эсхила до Марка Аврелия) цитат, личных имён (литературных, мифологических, исторических), культурно-исторических реалий, описаний произведений искусства: всё это представляет римско-эллиническую древность как особый мир и в то же время «удваивает» мир персонажей. Вынесенная в эпиграф цитата из диалога Цицерона «О законах» («...Ибо природа, заставив все другие живые существа наклоняться к земле, чтобы принимать пищу, одного только человека подняла и побудила его смотреть на небо...») даёт ключ к проблематике романа, освещает иерархию творческих задач автора. Вопросу о вечной сущности человека подчинены как утопические поиски античной гармонии, так и признание бедствий древности пророчеством о судьбе дилетантов. Поэтому античность в контексте «Путешествия дилетантов» проявляет необычайную генеративность, выходя за собственные тематические границы. В разделе 11.3 «Злободневная античность в романе “Свидание с Бонапартом”» освещены результаты эволюции представлений Окуджавы о значении античности для современности: «Конечно, древний мир не так изыскан, как изваяния, оставшиеся от него, он вшив и подл <...>, но в нём заключены истоки множества наших заблуждений и самообольщений и даже трагедий...» Отсылка к античному идеалу князя Мятлева, овеянного в мраморных изваяниях, напоминает о разрыве между образом античности в культуре и реально-исторической древностью. Окуджава расстаётся с любимым преданием ради осмысления иной преемственности, наложившей свою трагическую печать на изображаемую эпоху: потребность самоутверждения делает похожими воителей и правителей всех эпох. Из века в век подтверждается максима Эсхила: «Не сливается с

кличем победителей вопль побеждённых». В разделе 11.4 «**“Восемнадцатый век из античности...”**: апология человечности» рассмотрено стихотворение, являющееся своеобразным лирическим послесловием к творческому периоду, когда мысль об античности сопровождала разработку сюжетов из николаевской и наполеоновской эпох, неизбежно вовлекая в свою орбиту современность. Абсолютным критерием мироотношения остаются те ценности «золотого века», которые не укоренились в исторической реальности: «Култ любви, обаяние личности, наслаждения сладкий урок».

Выводы. 1) Окуджава многократно и многообразно отрефлексировал несовпадение образа античности как «золотого века» человечества с реально-исторической древностью. 2) Если мифологизация античности и других «лучших времён» издавна строится на соединении ценностей идиллических и героических, то для Окуджавы они оказываются несовместимы. «Век героев» в его трактовке – истинно «железный век». 3) Избирательное восприятие ценностей античности и отечественного «золотого века» объективно приближало Окуджаву к «наивному» (гесиодовскому) идеалу гармонии, но сознание его абсолютной утопичности корректировало эту тенденцию. 4) Диалог с великой традицией, продолжавшийся почти тридцать лет, приводит художника к заключению, что античность гибнет в качестве прообраза «золотого века» и торжествует как модель «века железного».

В главе XII «**“Кем перед вами слыву”**: ситуация самоотчёта в позднем творчестве Окуджавы» вновь (см. главу I), но в ином ракурсе освещается несовпадение реальной позиции и репутации художника: предметом внимания становится его собственный анализ коллизии непонимания. В разделе 12.1 «**Мотив “последнего пира” в творчестве Окуджавы 1980-х гг.**» прослежена символизация одиночества в экзистенциальной ситуации, которая определяла масштаб рефлексии о законах истории в романе «Свидание с Бонапартом». В разделе 12.2 «**Поэт и “римляне империи времени упадка”**» анализируется неподцензурное песенное стихотворение «Римская империя», решающее двуединую задачу: это политическая сатира и опровержение литературной репутации автора, которая сложилась в ситуации, требующей сатирического

разоблачения. Текст, пронизанный «сквозной лингвистической рефлексией» (Вл.И. Новиков), моделирует актуализацию любого (не только римского) исторического материала. В художественной системе Окуджавы сатирическая «песенка» – необходимое дополнение к сложным культурно-историческим обобщениям романиста. Разные творческие задачи, решаемые в песенной публицистике и в жанре исторического романа, совпадают в главном: мысль автора всегда отправляется от современности и возвращается к ней. В разделе 12.3 «“В карете прошлого”: свобода от иллюзий» показано, что своё размежевание с ностальгическим культом XIX в. Окуджава выразил в гротескном образе ярмарочного балагана. Путешествие во времени становится наглядным уроком исторической трезвости.

Выводы. 1) В годы своей наибольшей популярности Окуджава задаётся вопросом о взаимопонимании с современниками, для которых *старинное шитьё* часто затмевает смысл сказанного. 2) Тематизируя проблему собственной репутации как «певца старины», Окуджава подтвердил независимость от ожиданий публики. 3) Антиностальгическая позиция, декларируемая автором поэмы «В карете прошлого», явилась результатом всего творческого пути писателя.

В **Заключении** обобщены результаты диссертационного исследования.

1) Хронология литературного пути Окуджавы совпадает с этапами формирования позднесоветской ностальгической культуры. Атмосфера эпохи была продуктивна для его художественного поиска, но творческие результаты полемичны по отношению к мифу о «золотом веке».

2) Не склонный к мифоборчеству по своей душевной организации и художническому складу, Окуджава всё же последовательно отказывался от идеализации прошлого: как «арбатский миф», поверенный преданием о дворянстве, утратил целостность под напором рефлексии об историческом контексте детства, так и погружение в события *века минувшего* сделало насущно важным вопрос о «материале» мифа – исторической реальности.

3) Для многих современников Окуджавы деление времени на «лучшую» и «худшую» части осталось в силе и после того, как советский «проект будущего» сменился культом «золотого века»; напротив, Окуджава уклонился от самого иерархического принципа.

4) Позиция Окуджавы определилась уже в стихах 1960-х гг. о «возвращении» поэтов. Устойчивость лирической модели «встречи» означает, что поэты «золотого века» так же нуждаются в воскрешающих ожиданиях иного века, как этот растерявшийся (*суетливый*) век ищет в них олицетворения безусловных ценностей. Только окуджавский Пушкин – высокий двойник всех творцов – пребывает одновременно в прошлом, в настоящем и в вечности, которую символизирует его бронзовый облик.

5) «Мифология поэта» в лирике Окуджавы принципиально антиностальгична; она даёт ключ к художественно-философской концепции исторических романов, которые, в свою очередь, образуют контекст, раскрывающий весь объём лирической мысли.

6) Этические принципы классической литературы (разделяемые всецело в их пушкинском воплощении, с оговорками – в толстовском) определяют главный критерий оценки прошлого, изображённого в «Бедном Авросимове», «Путешествии дилетантов», «Свидании с Бонапартом». Творения предшественников восприняты Окуджавой как императив гуманности, который всегда противостоит законам «железного века», никогда не побеждая в качестве всеобщей нормы.

7) Интерпретируя классические источники в сюжетных положениях и образах своих романов, Окуджава не ведёт героев через *сильное и благое потрясение* к заслуженному счастью, поскольку новая историческая перспектива меняет концепцию эпохи.

8) Наследуя от Пушкина и Толстого тему судьбы рядового участника большой истории, Окуджава разрабатывает наиболее драматичные её аспекты: личность между народной стихией и государством, *дум высокие стремленья* и *необъятная сила вещей*, ожесточение борьбы и совесть победителя. Если классическое решение этих проблем отмечено благородной утопичностью, то из XX в. видна жестокость эпохи к идеалу *самостоянья человека*.

9) Открыв в «золотом» прошлом непосредственные истоки или прототипы современных трагедий, Окуджава приходит к историческому «безочарованию».

10) Обнаружение внутреннего родства несходных по облику эпох переключает проблему «лучшего» и «худшего» времени в

антропологический план: заведомое несовершенство человека общественного не позволяет «золотому веку» состояться когда бы то ни было.

11) Горько-ироническое звучание формулы «золотой век» в «Путешествии дилетантов» связано с размышлением об участии гениев, чья щедрая саморастрата понапрасну тревожит современников. В этом контексте выявляется потенциальный трагизм мотива «вечного возвращения» поэтов: идеал, приходящий в мир через творческую личность, особенно резко оттеняет косные законы реальности.

12) Решая каждый раз конкретные художественные задачи, теоретизируя меньше, чем кто-либо из писателей-современников, Окуджава смог подняться над той условностью представлений о прошлом, которая в период массовой ностальгии обеспечивала «стройность», непротиворечивость заветного образа. Высшей степенью условности предстала в его трактовке сама структурная модель неомифа о «лучшем времени» – контаминация «века блаженства» и «века героев».

13) Конфликт идиллических и героических ценностей переходит из лирики («Батальное полотно», «Старинная солдатская песня» и др.) в роман «Свидание с Бонапартом», где он разворачивается во внутреннем мире человека.

14) Заново ставя проблему человеческой активности в истории, Окуджава создаёт ситуацию, когда опыт самоутверждения в войне и политике ложится на совесть тяжким бременем. Участник исторической жизни вынужден узнать себя в антиподах-двойниках, деятелях прошлого и настоящего.

15) Соединив новой образно-логической связью события двухтысячелетней истории – от «образцовых» для Наполеона войн Александра Македонского и Цезаря до восстания 1825 г., Окуджава осмыслил их как звенья одной цепи, продлившейся в современность. В художественном мире Окуджавы экзистенциальная тревога, рождённая катаклизмами XX в., имеет обратную силу, и это главное препятствие для идеализации прошлого.

16) Трагическая концепция исторической жизни объясняет тяготение Окуджавы к родоначальному мифу о «золотом веке», воспринятому через

русскую поэзию конца XVIII – первой трети XIX в. и непосредственно из античных источников. Тем не менее «гармоничная античность» тоже предстаёт иллюзией, оставившей драгоценный след в культуре, но уязвимой перед испытующей мыслью; в античности открывается прообраз длящегося «железного века».

17) Противопоставив коллективному «запросу на прошлое» свои «вопросы к прошлому», Окуджава не абсолютизировал «ответы». Самоирония его поздних художественных высказываний, будучи реакцией на конкретные литературные, социокультурные и политические обстоятельства 1980–1990-х гг., выражала также сознание бесконечности поиска истины.

Основные результаты исследования изложены в 80 публикациях:

Статьи в рецензируемых научных изданиях (реестр ВАК)

1. Александрова М.А. Образ Лермонтова в поэзии советского времени и «Встреча» Булата Окуджавы // Изв. Саратов. ун-та. Новая серия. Сер. Филология. Журналистика. 2021. Т. 21. Вып. 2. С. 212–218.

2. Александрова М.А. Стихотворение Булата Окуджавы «Оловянный солдатик моего сына» в культурно-историческом контексте 1960-х гг. // Изв. Саратов. ун-та. Новая серия. Сер. Филология. Журналистика. 2019. Т. 22. Вып. 4. С. 455–459.

3. Александрова М.А. «Золотой век» в отечественном литературном сознании: генезис и современное содержание образа-мифа // Изв. Саратов. ун-та. Новая серия. Сер. Филология. Журналистика. 2018. Т. 18. Вып. 4. С. 438–441.

4. Александрова М.А. «Римская империя» в лирике позднесоветской эпохи (Яан Каплинский и Давид Самойлов) // Изв. Саратов. ун-та. Новая серия. Сер. Филология. Журналистика. 2016. Т. 16. Вып. 3. С. 302–306.

5. Александрова М.А. Стихотворение Б. Окуджавы «Лунин в Забайкалье» в контексте декабристского мифа // Вестн. Нижегородского ун-та. 2014. № 2. Ч. 2. С. 84–87.

6. Александрова М.А. Стихотворение «Восемнадцатый век из античности...» в контексте творчества Булата Окуджавы // Вестн. Нижегородского ун-та. 2013. № 4. Ч. 2. С. 11–13.

7. Александрова М.А. Диалог с Л.Н. Толстым в повести Б. Окуджавы «Будь здоров, школяр» // Сибирский филологический журнал. 2013. № 2. С. 164–171.

8. Александрова М.А. 1812 год в творческом сознании писателей фронтового поколения // Вестн. Нижегородского ун-та. 2013. № 1. Ч. 2. С. 11–14.

9. Александрова М.А. О романсовой традиции в лирике Булата Окуджавы: поэтика «Ваньки Морозова» // Изв. Саратов. ун-та. Новая сер. Сер. Филология. Журналистика. 2012. Т. 12. № 4. С. 77–83.

10. Александрова М.А. Розы поэта: Стихотворение Булата Окуджавы «Мне не хочется писать...» в контексте классической традиции // Изв. Саратов. ун-та. Новая сер. Сер. Филология. Журналистика. 2012. Т. 12. № 1. С. 111–115.

11. Александрова М.А., Мосова Д.В. Блоковские истоки стихотворения Булата Окуджавы «Не бродяги, не пропойцы...» // Вестн. Нижегородского ун-та. 2011. № 6. Ч. 2. Т. 1. С. 23–26 (степень авторского участия 50%).

12. Александрова М.А. Поэма Булата Окуджавы «В карете прошлого»: функции горьковских реминисценций // Вестн. Нижегородского ун-та. 2011. № 5. Ч. 1. С. 281–286.

13. Александрова М.А. «Маленький человек» в романе Булата Окуджавы «Свидание с Бонапартом» // Вестн. Нижегородского ун-та. 2010. № 4. С. 301–308.

14. Александрова М.А. «Грибоедовская легенда» Пушкина в рецепции Булата Окуджавы // Изв. Волгоградского пед. ун-та. Сер. Филол. науки. 2010. № 2 (46). С. 153–156.

15. Александрова М.А., Большухин Л.Ю. Розы Маяковского // Вестн. Нижегородского ун-та. 2009. № 6. Ч. 2. С. 18–25 (степень авторского участия 50%).

*Статьи в международных рецензируемых журналах
(Scopus, Web of Science)*

16. Александрова М.А. Мифы о Пушкине и стихотворение Булата Окуджавы «Счастливчик» // Сборник матице серпске за славистику / Matica Srpska for Slavic Studies (Сербия). Кн. 99 (2021). С. 243–257.

17. Александрова М.А. Древний Рим в иносказательном контексте позднесоветской культуры: три «исторических» стихотворения // Russian Literature (Netherlands). Vol. 111–112 (2020). P. 143–174.

Монографии и главы в коллективных монографиях

18. Александрова М.А. Творчество Булата Окуджавы и миф о «золотом веке»: моногр. М.: Флинта, 2021. 592 с.

19. Александрова М.А., Мосова Д.В. Блоковская традиция в лирике Булата Окуджавы: моногр. М.: ФЛИНТА; Наука, 2018. 168 с. (степень авторского участия 50%).

20. Александрова М.А. Античная роза в лирике Арсения Тарковского // Литература XX–XXI веков: проблемы поэтики: коллект. моногр. / под ред. С.Н. Аверкиной. М.: Флинта, 2020. С. 169–178.

21. Александрова М.А. «Император в голубом кафтане» и отечественный миф о «золотом веке» в стихотворении Булата Окуджавы «Батальное полотно» // Национальные коды в европейской литературе XIX–XXI веков: коллект. моногр. Ниж. Новгород: ННГУ, 2016. С. 204–211.

Статьи в периодических изданиях и сборниках научных трудов

22. Aleksandrova M. Nostalgia for “Golden Age” in Soviet-era culture. *SHS Web of Conferences*. Vol. 122 (2021). International Conference “Fundamental Research of the Phenomenon of Happiness” 2020, Nizhny Novgorod, Russia, December 17–21, 2020. G. Sorokoumova and T. Grob (Eds.):

<https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/abs/2021/33/contents/contents.html>

23. Александрова М.А. Классическая роза в рецепции русских поэтов XX века // Вест. Санкт-Петербургского ун-та технологии и дизайна. Сер. 2. Искусствоведение. Филол. науки. 2021. № 2. С. 69–75.

24. Александрова М.А. «Оковы тяжкие падут, темницы рухнут...»: пушкинская поэтическая утопия в рецепции Булата Окуджавы // Болдинские чтения. Ниж. Новгород: ННГУ, 2021. С. 114–124.

25. Александрова М.А. «Маленький человек» в романе Булата Окуджавы «Бедный Авросимов»: диалог с Ф.М. Достоевским // Швейцарские тетради. Вып. 11. Ниж. Новгород: НГЛУ, 2021. С. 29–39.
26. Александрова М.А. Киноповесть о Пушкине в контексте творческого пути Булата Окуджавы // Палимпсест. Литературоведческий журнал. № 1(9)/2021. Ниж. Новгород: ННГУ, 2021. С. 37–45.
27. Александрова М.А. Неувядаемая роза // Филология как образ жизни: Сб. статей и материалов: к 100-летию Г.В. Краснова. Коломна: ГСГУ, 2021. С. 77–83.
28. Александрова М.А. Античность Булата Окуджавы: «век золотой» и «век железный» // Эпистола. Филологический журнал. Ниж. Новгород: НГЛУ, 2021. Т. 1. Вып. 1. С. 25–50.
29. Александрова М.А. В Доме Булата: [обзор конференций] // Окуджавы, Высоцкий, Галич... : Науч. альм.: В 2 кн. Кн. вторая. М.: Либлика, 2021. С. 550–562.
30. Александрова М.А. Ностальгия по «золотому веку» как фактор литературной репутации Булата Окуджавы // Окуджавы, Высоцкий, Галич... : Науч. альм.: В 2 кн. Кн. вторая. М.: Либлика, 2021. С. 403–424.
31. Александрова М.А., Большухин Л.Ю. О возможном претексте стихотворения Булата Окуджавы «Я пишу исторический роман» // Окуджавы, Высоцкий, Галич... : Науч. альм.: В 2 кн. Кн. первая. М.: Либлика, 2021. С. 306–321 (степень авторского участия 50%).
32. Александрова М.А. Стихотворение Булата Окуджавы «Счастливчик Пушкин» в системе контекстов // Болдинские чтения. Ниж. Новгород: ННГУ, 2019. С. 163–174.
33. Большухин Л.Ю., Александрова М.А. Тайна, иллюзия и фокус в событийной структуре «Журнала Печорина» // Литературоман(ния): к 90-летию Юрия Владимировича Манна: сб. статей. М.: РГГУ, 2019. С. 512–537 (степень авторского участия 50%).
34. Александрова М.А. «Исторические фантазии» в детской повести Булата Окуджавы «Фронт приходит к нам»: контекст и подтекст // «Как он дышит, так и пишет»: к 60-летию Анатолия Валентиновича Кулагина. Коломна: ГСГУ, 2018. С. 76–85.
35. Александрова М.А., Мосова Д.В. Блоковский источник мифемы «женщина-звезда» в лирике Булата Окуджавы («По Смоленской дороге» и «Окрай небес – звезда-омега...») // Грехнёвские чтения: Литературное произведение в системе контекстов. Ниж. Новгород: Изд-во «Книги», 2017. С. 228–232 (степень авторского участия 50%).
36. Александрова М.А. Послевоенная Россия в романе Булата Окуджавы «Свидание с Бонапартом»: толстовское «зеркало» // Швейцарские тетради. Вып. 6. Ниж. Новгород: НГЛУ, 2016. С. 9–19.
37. Александрова М.А. «Нам всем знакома эта мучительная страсть»: тема и жанр в поздней лирике Булата Окуджавы // Голоса: Сб. ст. к 60-летию Андрея Крылова. М.: Булат, 2015. С. 19–28.
38. Александрова М.А., Большухин Л.Ю. Двойничество в контексте «пушкинского мифа» Гоголя // Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis. Studia Russologica VIII (2015). Folia 201. С. 69–81 (степень авторского участия 50%).

39. Александрова М.А. Отзвуки войны 1812 года в лирике Б. Окуджавы 1960-х гг.: юбилейный контекст // «А иначе зачем на земле этой вечной живу...»: Художественный мир Б.Ш. Окуджавы. Материалы Четвертых Междунар. науч. чтений «Калуга на лит. карте России». Калуга: КГУ им. К.Э. Циолковского, 2014. С. 4–10.

40. Александрова М.А. Диалог с античностью в творчестве Булата Окуджавы // Голос надежды: Новое о Булате. Вып. 10. М.: Булат, 2013. С. 307–337.

41. Александрова М.А. О конференции в Переделкине // Голос надежды. Новое о Булате. Вып. 9. М.: Булат, 2012. С. 530–533.

42. Александрова М.А. Творчество Булата Окуджавы в неопубликованных статьях 1980-х годов // Голос надежды. Новое о Булате. Вып. 9. М.: Булат, 2012. С. 437–443.

43. Александрова М.А. «Батальное полотно» и батальные полотна: стихотворение Булата Окуджавы в системе контекстов // Голос надежды. Новое о Булате. Вып. 9. М.: Булат, 2012. С. 363–385.

44. Александрова М.А., Большухин Л.Ю. «Вскоре после достославного изгнания французов...»: эмблема исторического рубежа в поэме Гоголя «Мёртвые души» // Реалии и легенды Отечественной войны 1812 года. СПб.; Тверь: Изд. Марины Батасовой, 2012. С. 247–260 (степень авторского участия 50%).

45. Большухин Л.Ю., Александрова М.А. «Вскоре после достославного изгнания французов...»: эмблема исторического рубежа в поэме Гоголя «Мёртвые души» // Критика и семиотика. Новосибирск; Москва. 2012. С. 231–240 (степень авторского участия 50%).

46. Александрова М.А. Литература и литературность в повести Булата Окуджавы «Будь здоров, школяр» // Голос надежды. Новое о Булате. Вып. 8. М.: Булат, 2011. С. 263–282.

47. Александрова М.А. Роза в стихотворении Булата Окуджавы «Мне не хочется писать ни стихов, ни прозы...» // Восток – Запад: Пространство природы и пространство культуры в русской литературе и фольклоре. Материалы международной научной конференции (заочной). Волгоград. 19 ноября 2010 г. Волгоград: Изд-во «Парадигма», 2011. С. 337–341.

48. Александрова М.А. Стихотворение Булата Окуджавы «С последней каланчи...»: модификация элегии // Жанр и его метаморфозы в литературах России и Англии: Материалы VIII Междунар. научн. конф. Владимир, 1–3 октября 2009 г. Владимир: ВГГУ, 2010. С. 274–280.

49. Александрова М.А. Из наблюдений над поэтикой розы: лирика второй половины XX века // Грехнёвские чтения. Вып. 6. Ниж. Новгород: Изд-во «Книги», 2010. С. 102–108.

50. Александрова М.А. «...Но роза в руке – для чего?» (О новом контексте классического образа в лирике Булата Окуджавы) // Нов. филол. вестник. М.: РГГУ, 2010. № 2 (13). С. 49–57.

51. Александрова М.А. Ах, это, братцы, о другом, или Пристрастные заметки по поводу новой книги // Голос надежды: Новое о Булате. Вып. 7. М.: Булат, 2010. С. 552–568.

52. Александрова М.А. «Кого там везут? Грибоеда...»: «Грибоедовская легенда» Пушкина в рецепции Александра Галича и Булата Окуджавы // Голос надежды: Новое о Булате. Вып. 7. М.: Булат, 2010. С. 426–448.

53. Большухин Л.Ю., Александрова М.А. «Пиковая дама» в рецепции Лермонтова («Фаталист») // Нов. филол. вестник. М.: РГГУ, 2010. № 4(15). С. 41–55 (степень авторского участия 50%).
54. Александрова М.А. Античность в романе Булата Окуджавы «Путешествие дилетантов» // Нов. филол. вестник. М.: РГГУ, 2009. № 4 (11). С. 33–49.
55. Александрова М.А., Мосова Д.В. «Песенка о комсомольской богине»: диалог с Александром Блоком // Голос надежды: Новое о Булате. Вып. 6. М.: Булат, 2009. С. 106–116 (степень авторского участия 50%).
56. Александрова М.А. «Капитанская дочка» в зеркале советской исторической прозы: *тайная свобода* и потаённый спор // Нов. филол. вестник. М.: РГГУ, 2009. № 2 (9). С. 83–98.
57. Александрова М.А. Об элегии в лирике Булата Окуджавы // Нов. филол. вестник. М.: РГГУ, 2008. № 2 (7). С. 109–121.
58. Александрова М.А. Античная роза в лирике Арсения Тарковского // Античность и христианство в литературах России и Запада. Материалы междунар. научной конференции «Художественный текст и культура – VII» 4–6 окт. 2007 г. Владимир: ВГГУ, 2008. С. 273–280.
59. Александрова М.А. «Райский сад» Тарковского и «райский двор» Окуджавы // Нов. филол. вестник. М.: РГГУ, 2008. № 1 (6). С. 123–141.
60. Александрова М.А. Поэт и роза: к теме творчества в лирике Булата Окуджавы // Голос надежды: Новое о Булате. Вып. 4. М.: Булат, 2007. С. 319–335.
61. Александрова М.А. Ностальгия и зависть в лирике середины – второй половины XX века // Зависть. Формы её оправдания и разоблачения в культуре: [Материалы междунар. конф. Пушкинские горы, 12–14 июля 2006 года]. СПб.: Пушкинский проект, 2007. С. 196–215.
62. Александрова М.А. Лермонтовский миф в творчестве Б.Ш. Окуджавы // Миры Булата Окуджавы: Материалы Третьей междунар. науч. конф. 18–20 марта 2005 г. Переделкино. М.: Соль, 2007. С. 141–149.
63. Александрова М.А. Историческая проза советской эпохи и «Капитанская дочка» Пушкина // Грехнёвские чтения: Сб. науч. тр. Вып. 4. Нижний Новгород: ННГУ; изд. Ю.А. Николаев, 2007. С. 175–182.
64. Александрова М.А. «Новый Рим» в лирике шестидесятых годов XX века // Проблемы утраты и возрождения традиционной и классической культуры на фоне развития цивилизации: Сб. материалов науч. конф. Ниж. Новгород: НГЛУ, 2007. С. 112–120.
65. Александрова М.А. Роза в сюжете стихотворения Булата Окуджавы «Я пишу исторический роман» // Филол. вестник. М.: РГГУ, 2006. № 2 (3). С. 262–268.
66. Александрова М.А. «Чудесный случай» в лирике Булата Окуджавы // Случай и случайность в литературе и жизни: Материалы конференции [Пушкинские горы, 6–10 июля 2005 г.]. СПб.: Пушкинский проект, 2006. С. 183–197.
67. Александрова М.А. «...Лишь с розою в руке»: об одном мотиве в лирике Булата Окуджавы // Грехнёвские чтения: Сб. науч. тр. Вып. 3. Ниж. Новгород: изд. Ю. Николаев, 2006. С. 65–72.
68. Александрова М.А. Три дня в мире Булата Окуджавы [О Третьей Международной научной конференции «Миры Булата Окуджавы», 18–20 марта 2005 г.,

Переделкино] // Голос надежды: Новое о Булате Окуджаве. Вып. 3. М.: Булат, 2006. С. 306–309.

69. Александрова М.А. О стихотворении Булата Окуджавы «Из фронтового дневника» // Художественный текст и культура – VI: Материалы междунар. науч. конференции 6–7 октября 2005 г. Владимир: ВГПУ, 2006. С. 155–160.

70. Александрова М.А. Советская критика об исторической прозе Б.Ш. Окуджавы: перевёрнутая страница? // Забытые и «второстепенные» критики и филологи XIX–XX веков: Материалы науч. конференции «Пятые Майминские чтения» 14–17 ноября 2004 г. Псков: ПГПУ, 2005. С. 259–267.

71. Александрова М.А. Лермонтов в лирике Б.Ш. Окуджавы // Грехнёвские чтения: Сб. науч. ст. Нижний Новгород: [ННГУ], 2005. С. 30–38.

72. Александрова М.А. «Счастливчик Пушкин» и другие // Голос надежды: Новое о Булате Окуджаве. Вып. 2. М.: Булат, 2005. С. 313–324.

73. Александрова М.А. Антитеза «столица – провинция» в романе Б.Ш. Окуджавы «Путешествие дилетантов» // Жизнь провинции как феномен духовности: Междунар. науч. конференция. 22–23 апреля 2004 г.: [Материалы]. Ниж. Новгород: ННГУ, 2004. С. 140–144.

74. Александрова М.А. Поэтика гротеска в романе Б. Окуджавы «Свидание с Бонапартом» // Гротеск в литературе: Материалы конференции к 75-летию профессора Ю.В. Манна. Москва; Тверь: РГГУ, 2004. С. 95–99.

75. Александрова М.А. Уроки сомнения. Роман Булата Окуджавы «Свидание с Бонапартом» // Голос надежды: Новое о Булате Окуджаве. [Вып. 1]. М.: Булат, 2004. С. 224–234.

76. Александрова М.А. Мотивы пушкинского «Медного всадника» в романе Булата Окуджавы «Свидание с Бонапартом» // Художественный текст и культура: Материалы междунар. науч. конференции 2–4 окт. 2003 г. Владимир: ВГПУ, 2004. С. 103–110.

77. Александрова М.А. Онегинские аллюзии в повести И.С. Тургенева «Бретёр» // Болдинские чтения. Ниж. Новгород: ННГУ, 2003. С. 122 – 130.

78. Александрова М.А. Уроки сомнения. Роман Б. Окуджавы «Свидание с Бонапартом»: Тез. доклада // Педагогические идеи русской литературы: Материалы конференции 20–22 авг. 2003 г. Коломна: КГПИ, 2003. С. 214–216.

79. Александрова М.А. Об одной грибоедовской ассоциации в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин» // Болдинские чтения. Саранск, 2002. С. 39–42.

80. Александрова М.А. Проблема христианских ценностей в «Горе от ума». К истории одной дискуссии // Гуманизм и духовность в образовании: Науч. тр. Второй Междунар. научно-практич. конф. Ниж. Новгород: НГЛУ, 2001. С. 165–168.

Подписано в печать 06.10.2021 г. Формат 60×84 1/16.

Бумага офсетная. Печать цифровая.

Усл. печ. л. 2. Заказ № 343. Тираж 100 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ННГУ им. Н.И. Лобачевского.
603000, г. Нижний Новгород, ул. Б. Покровская, 37